

Вряд ли сын капитана Андрея Крылова, маленький Ванюша, думал о всероссийской литературной славе, когда спрятанный в большой корчаге, сопровождаемый матерью, переодетой в деревенское рубище, тряся по уральскому бездорожью на крестьянской телеге. Путь беженцев лежал из Яицкого городка (нынешнего Уральска), где его отец служил комендантом крепости, в более надёжный и укреплённый Оренбург. Кругом бушевала пугачёвщина и офицеры из маленьких крепостей отправляли своих жён и детей абы куда, лишь бы подальше от головорезов крестьянского царя Емельки. До Оренбурга добрались благополучно, но в осаждённом городе рвались ядра бунтовщиков и царил ужасный голод. И, может быть, именно тогда будущий баснописец потерял чувство страха, приобрёл ощущение вечного голода и в головке четырёхлетнего малыша зародились сюжеты первых басен, типа «Волк и Ягнёнок», «Демьянова уха» и других.

После подавления восстания, правительственная комиссия нашла в пугачёвских бумагах списки приговорённых к повешению. Среди сотен имён значилась и семья Крыловых в полном составе. Поэтому можно считать, что русской литературе крупно повезло – остался в живых главный баснописец. Не хочется умалять заслуг баснописцев – предшественников Крылова: Сумароков, Хемницер, Дмитриев и прочие

русские поэты много сделали для развития басни. Но к главному своему жанру Иван Андреевич пришёл не сразу.

Получив в наследство от отца, заядлого книгочея, сундук с книгами, он занялся изучением русской и мировой литературы. Когда Крыловы жили в Твери, состоятельные соседи разрешили Ване присутствовать на занятиях своих детей. Так он изучил французский язык. В более зрелом возрасте он выучил итальянский язык и научился играть на скрипке, но до старости по-русски писал с ошибками.

Потом, приехав с матерью в Петербург и найдя место в одном из столичных департаментов, Крылов стал профессиональным чиновником, несмотря на юный возраст. Он увлёкся театром. Стал посещать все премьеры, завёл знакомства со знаменитыми актёрами и даже с директором императорских театров Соймоновым.

А вскоре, вдохновлённый театральной атмосферой, подросток написал пьесу «Кофейница». Молодой Крылов был необыкновенно плодовитым автором. Во многом благодаря этому он вошел в близкие отношения с театральным комитетом и получил поручение перевести либретто французской оперы. Однако будущий баснописец не удержался от острой сатиры в адрес ведущего драматурга того времени Якова Княжнина и его жены, дочери самого Александра Сумарокова. Крылов вывел их под именами Рифмокрада и Тараторы в комедии «Проказники». Этот эпизод рассорил Крылова с Княжнинным и закрыл молодому сочинителю дорогу в драматургию.

С тех пор его немногочисленные пьесы если и ставились на столичной сцене, то дохода не приносили. Крылов, бросив государственную службу, становится профессиональным картёжником, гастролирующим по России. Бывали случаи, когда он выигрывал по нескольку десятков тысяч. Вполне ли честными были эти выигрыши, мы никогда не узнаем, однако за руку Ивана Андреевича никто не поймал. В любом случае, его оправдывает то, что большую часть выигрышей он пускал на издание журналов, которые в конце концов прогорали, так что нажитья на картёжной игре он не сумел.

В 1791 году, в 22 года, Иван Крылов полюбил дочь священника из Брянска Анну. Девушка ответила ему взаимностью. Когда молодые люди решили жениться, родные Аннушки воспротивились этому браку. Но невеста так тосковала, что родители наконец согласились выдать ее замуж за Ивана Крылова, о чем написали ему в Санкт-Петербург. Крылов ответил, что у него нет денег, чтобы приехать в Брянск, и попросил привезти Анну к нему. Родные девушки были оскорблены ответом, и брак не состоялся. Иван Крылов так никогда и не женился. Официально у него нет детей. Современники баснописца утверждали, что у Ивана Андреевича была гражданская жена – его домработница Феня. Жениться на ней Крылов не мог, так как общество бы его осудило. Феня родила девочку Александру, которую считают внебрачной дочерью Крылова. О том, что это может быть правдой, говорит тот факт, что после смерти Фени Александра осталась жить у Крылова. А после её замужества Крылов с удовольствием нянчил её детей и переписал на них всё своё имущество.

Так, сочиняя театральные опусы, издавая убыточные журналы и проводя ночи за картами, меняя вист на штосс, Иван Андреевич дожил до сорока лет.

Стихи, написанные им по сию пору, были откровенно слабые. Заслуживали внимания лишь немногочисленные эпиграммы:

Федул твердит, что Фока плут,
Его позорит и ругает;
Но я не вижу толку тут:
Кто уголь сажею марает?

Но однажды Иван Крылов от нечего делать прочёл своему тёзке Ивану Дмитриеву несколько своих переводов басен Лафонтена, или Фонтена, как он называл французского баснописца.

«Да это же ваше призвание, батенька!» – воскликнул поражённый поэт. Крылов поначалу с недоверием отнёсся к такой высокой оценке, но, напечатав три басни в журнале «Московский зритель», получил такое количество восторженных отзывов, что решил покончить с драматургией и всерьёз заняться баснями.

О баснях Крылова не скажешь, что это памятник русской литературы. Это произведения живой, цветущей до сего дня отечественной поэзии. А ведь Крылов был современником Фонвизина и Радищева, Державина и Карамзина. Кажется невероятным, что всего лишь за двадцать лет до вступления баснописца в русскую литературу творил В. Третьяковский, стихи которого для современного читателя нужно переводить почти как иностранные. И даже Г. Державин, при всей звучной полновесности его языка, оставался в плену тяжёлого классицизма. А воспитанный на этих образцах Крылов вдруг заговорил языком, не принадлежащим восемнадцатому веку, а взятым из будущего, пушкинского девятнадцатого, а то и из двадцатого и двадцать первого столетий. Он не просто изменил язык русской поэзии, он дал ей широту, вывел её из литературных салонов на российский простор. Право голоса вдруг получила простонародная Россия, ранее только сочинявшая и передававшая из поколения в поколение сказки, былины, песни и легенды. В баснях Крылова нашёл прибежище не только язык этих народных творений, но и сокровенные мысли и надежды простого люда, его оценки событий общественных и бытовых, государственных и частных, его нравственные постулаты, его укоренённые в веках взгляды на всё и вся. Это было неожиданно, ново и дотоле невиданно. Это было естественно для русской души. Иван Андреевич и сам являл собой чисто русский характер.

В юности Иван Андреевич увлекался кулачными боями, из которых благодаря своей силе часто выходил победителем. Это увлечение развивало не только его физические способности, вполне вероятно, что именно тогда он впервые обратил внимание на народный быт и нравы. Он посещал с особенным удовольствием торговые площади и народные сборища, где толкался между пёстрой толпой, с жадностью прислушиваясь к речам простолудинов.

Басня издавна являлась жанром, особенно близким народной поэзии и имевшим прочную традицию в русской литературе. Её связь с народными пословицами и поговорками, простота и ясность образов, народная мудрость её морали – всё это делало басню особенно любимой народом. Басня широко известна была уже в Древней Греции и Риме. Басни Эзопа и Федра вобрали мудрость своих народов и передали следующим поколениям многочисленные сюжеты. Когда Ивана Андреевича Крылова спросили, почему он пишет именно басни, он ответил: «Этот род понятен каждому: Его читают и слуги, и дети».

Может быть, его трудное детство и нелёгкая судьба, как говорится, «жизнь на колёсах», развили в нём наблюдательность и желание помочь другим, по крайней мере советом. Чем и характерна басенная

мораль. Баснописец не боится критиковать современную действительность и клеймить проходимцев всех рангов, хотя бы надев на них личины животных.

Н. В. Гоголь так писал о Крылове: «Выбравши себе самую незаметную и узкую тропу, он шёл по ней почти без шума, пока не перерос других... Выбрал он себе форму басни, всеми пренебрежённую, как вещь старую, негодную для употребления и почти детскую игрушку, – и в сей басне умел сделаться народным поэтом. Эта наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов... Его притчи – достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа».

«Во всех отношениях самый народный наш поэт» – говорил о Крылове А. С. Пушкин.

Иван Андреевич Крылов слыл обжорой, циником, азартным игроком, ленивцем, скандалистом и неряхой. Дедушка Крылов как будто просился на страницы собственных басен. Даже, когда он скончался от пневмонии, по Петербургу прошёл слух о том, что Крылов умер, объевшись блинами.

И. С. Тургенев, написал выразительный портрет Крылова последних лет, встретив знаменитого баснописца в доме «одного чиновного, но слабого петербургского литератора»: «Он просидел часа три с лишком неподвижно между двумя окнами – и хоть бы слово промолвил! – вспоминает Тургенев. – Ни сонливости, ни внимания на этом обширном, прямо русском лице, – а только ума палата, да заматерелая лень, да по временам что-то лукавое словно хочет выступить наружу и не может – или не хочет – пробиться...»

Несмотря на свою активную деятельность, Крылов был крайне флегматичным и медлительным человеком. После обеда он имел привычку спать не менее двух часов. Более того, часто находясь на людях, Иван Андреевич уделял очень мало внимания своему внешнему виду, не любил менять одежду и причёсываться. Известен анекдот: собираясь на маскарад, Крылов спросил у знакомой дамы, как ему лучше одеться, чтобы остаться неузнанным. Ответ был прост и изящен: «А вы помойтесь, причешитесь – вот вас никто и не узнает».

Однажды солидного Крылова нагнали на улице два торопливых студента. Обходя его, один вполголоса сказал другому: «Смотри, туча идёт!» – «И лягушки заквакали», – незамедлительно добавил Иван Андреевич.

В Летнем саду стоит памятник Крылову, и вокруг него всегда резвятся дети. На них, однако, довольно пессимистически глядел поэт Пётр Шумахер, посвятивший памятнику следующие стихи:

Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как резвятся вокруг него ребята,
И думает себе: «О милые зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты!»

Иван Андреевич Крылов никогда не забывал, что сатира должна быть разящей и служить пользе Отчества. Его басни одинаково лишали покоя и плута из низов, и бездельника вельможу, и придворных холопов, и самого царя. А силу его строкам давало качество, которого

в такой полноте не было ни у одного современного ему писателя, – народность его творчества.

Посмотрите, сколько мудрых поэтических пословиц и поговорок внёс баснописец в нашу национальную сокровищницу, в русскую народную книгу мудрости. Одно это – ярчайший показатель народности его творений: «И в сердце льстец всегда отыщет уголок»; «А ларчик просто открывался»; «Услужливый дурак опаснее врага»; «По мне уж лучше пей, да дело разумей»; «У сильного всегда бессильный виноват»...

И т. д. и т. п.

Когда-то Белинский размышлял над вопросом: почему Крылов – народный поэт?

Ответ критика был таким: «...в его баснях, как в чистом полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущейся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостью, острою и добродушно-саркастическою насмешливостью... В них вся житейская мудрость, плод практической опытности – и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род».

Прошло двести пятьдесят лет со дня рождения Крылова, а его произведения живут во всех социальных кругах и во всех поколениях русского народа и будут жить, пока живёт русский народ».